

*Р. В. Березкин**

**«Жизнеописание Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи»
поэта Бо Цзюйи (838 г.)
и традиция китайской автобиографии
(перевод с предисловием)****

АННОТАЦИЯ: «Жизнеописание Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи» (*Цзуй-инь сяньшиэн чжжуань* 醉吟先生傳; далее сокращенно «Жизнеописание») может рассматриваться как краткая шутливая автобиография великого танского поэта Бо Цзюйи 白居易 (772–846). Несмотря на то, что это произведение уже давно привлекло внимание японских и западных ученых и было переведено на несколько языков, на русский язык оно еще не переведилось. Здесь мы предлагаем первый перевод «Жизнеописания» на русский язык с комментарием, а также с предисловием, в котором анализируются художественные особенности этого произведения и раскрывается его значение в китайской классической литературе. «Жизнеописание» принадлежит к категории шутливой неофициальной автобиографии,

* Березкин Ростислав Владимирович, к. ф. н., Ph. D., старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований, Фуданьский университет (Шанхай, Китай), berezkine56@yandex.ru

** Данное исследование было выполнено при поддержке государственного фонда исследований в области общественных наук «Столетняя история распространения китайской культуры за рубежом», но. 17ZDA195. 本文为国家自然科学基金重大项目“中国文化域外传播百年史” [批准号 17ZDA195] 阶段性成果. Автор выражает благодарность проф. В. Г. Мейеру (V. H. Mair) за помощь в работе над переводом и исследованием.

классическими образцами которой являются прозаические тексты знаменитых поэтов Тао Юаньмина 陶淵明 (или Тао Цяня 陶潛, 365–427) и Ван Цзи 王績 (590–644). Они представляют «идеализированное альтер эго» китайских литераторов. Несмотря на то, что Бо Цзюйи в своей автобиографии следует литературной традиции, в ней можно найти много индивидуальных черт, которые рисуют жизнь поэта эпохи Тан. В «Жизнеописании» мы находим несколько ироничный взгляд поэта на собственную жизнь и увлечения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Бо Цзюйи, традиционная китайская автобиография, китайская проза на вэньяне, литература эпохи Тан, поэзия вина

«Жизнеописание Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи» (дословно — «Жизнеописание Господина, в Опьянении Скандирующего Стихи», далее сокращенно «Жизнеописание») может рассматриваться как краткая шутливая автобиография Бо Цзюйи (772–846), принадлежащая к числу лучших прозаических произведений этого известного литератора. За образом веселого Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи, скрывается сам Бо Цзюйи¹. «Жизнеописание» давно привлекло внимание зарубежных ученых, изучающих китайскую классическую литературу. Существует несколько его переводов на иностранные языки². На русский язык «Жизнеописание» еще не переводилось, хотя оно исключительно важно для полного представления о творчестве Бо Цзюйи и понимания судьбы его творческого наследия в последующие века. В данном случае мы предлагаем читателю полный перевод «Жизнеописания» с комментариями и кратким предисловием, в котором раскрываются особенности этого произведения³.

¹ Вариант перевода: «Господин, Скандирующий Стихи во Хмелю», см. [Кобзев, Орлова, 2019, с. 525].

² Неполные переводы на английский язык А. Уэйли, Г. Маргулиса и В. Траска см. [Waley, 1951, p. 191–192; Margouliès and Trask, 1934, p. 410–411]. Нами был сделан полный перевод этого текста на английский язык в соавторстве с проф. В. Г. Мейером: [Mair and Berezkin, 2009, p. 40–44]. См. также переводы на французский и голландский языки: [Margouliès, 1948, p. 386–387; Idema, 2001, p. 467–470].

³ Перевод сделан по тексту, помещенному в сборнике произведений Бо Цзюйи: [Бо Цзюйи, 1988, т. 6, с. 3782–3783]. Китайский оригинал см. в приложении.

«Жизнеописание» было создано Бо Цзюйи в преклонном возрасте. Автор датировал его 838 годом, когда ему было 67 лет, таким образом, оно призвано подвести итог его творческой деятельности. В собственной эпитафии, которая, по преданию, была написана Бо Цзюйи в конце жизни, — «Эпитафии Господина, [Который Любил] Выпить и Читать стихи» (*Цзуй-инь сяньшэн мучжимин 醉吟先生墓誌銘*), говорится, что поэт просил вырезать «Жизнеописание» на его могильной стеле [*Бо Цзюйи*, 1988, т. 6, с. 3816]⁴. Есть также исторические свидетельства, что воля Бо Цзюйи была исполнена и «Жизнеописание» действительно было вырезано на каменной стеле рядом с могилой поэта в монастыре Сяншаньсы 香山寺 в окрестностях Лояна его младшим современником Лу Чжэнем 盧貞 [*Бо Цзюйи*, 1988, т. 6, с. 3784]. Следуя прозвищу поэта — Господин, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи, многие из посещавших его могилу поливали ее вином⁵. Как мы видим, это прозвище используется и в автоэпитафии Бо Цзюйи, оно даже упоминается в официальной династийной истории — «Старой истории Тан» (*Цзю Тан шу 舊唐書*) [*Лю Сюй* и др., 1997, цзюань 166, с. 4355].

В «Жизнеописании» намеренно отсутствуют официальные биографические сведения — фамилия и имя персонажа, место его рождения и должность, в то же время оно во всех подробностях раскрывает особенности досуга и увлечений поэта в поздний период жизни. Таким образом, оно принадлежит к числу его произведений, называемых «развлекательной/праздной литературой» (*сянь-ши взньсюэ 閒適文學*)⁶. В этом тексте много слов, подчеркивающих его неофициальный, сугубо личный характер, например, «праздный» (*сянь 閒*), «страсть/слабость» (*ши* или *ди 適*), «интерес/пристрастие» (*син 興*) и т.д. В текст «Жизнеописания» включено стихотворение Бо Цзюйи «В Лояне был глупый старик» (*Лоян ю юй соу 洛陽有愚叟*)⁷, которое тоже относится к подобной самоироничной «праздной» литературе.

⁴ При этом многие китайские и японские ученые сомневаются, что эта эпитафия действительно принадлежит кисти Бо Цзюйи, см. [*Каваи Ко:дзо.*, 1996, с. 135–136].

⁵ По отзывам путешественников, восстановленная стела с «Жизнеописанием» стоит на его могиле и в наши дни.

⁶ Перевод другого такого произведения — «Сочинение на пруду» (*Чи шан пянь 池上篇*, в переводе Л. З. Эйдлина — «На озере»), см. [*Эйдлин*, 1987, с. 372–375].

⁷ В несколько видоизмененном виде по сравнению с его вариантом в сборнике сочинений Бо Цзюйи.

Эта сторона творчества Бо Цзюйи отошла на второй план в подборке произведений в русском переводе. Отечественные исследователи Бо Цзюйи (в первую очередь Л. З. Эйдлин [1910–1985]) подчеркивали прежде всего гражданскую, социальную и обличительную проблематику творчества этого поэта [*Бо Цзюй-и*, 1958; *Эйдлин*, 1987, с. 16–20]⁸. Так, в исследовании творчества Юань Чжэня 元稹 (779–831), ближайшего друга и сподвижника Бо Цзюйи, А. Г. Сторожук отмечает, что в китайском и отечественном китаеведении Бо Цзюйи и поэты его круга часто воспринимались как «поэты, писавшие исключительно на социальную тему, <...> и другие аспекты их творчества практически перестали братья в расчет» [*Сторожук*, 2001, с. 10]. Вместе с тем в новых зарубежных и русских исследованиях творчества Бо Цзюйи и литераторов его круга постепенно освещаются и другие грани творчества этого поэта⁹. В этом смысле «Жизнеописание» — ценный литературный памятник Бо Цзюйи, в котором мы находим взгляд поэта на свою собственную жизнь на закате творческой карьеры. Литературный образ поэта, воплощенный в произведениях этого рода, оказал влияние и на официальное историописание¹⁰.

Следует отметить, что подобные тексты с автобиографическими элементами достаточно редки в наследии китайских литераторов прошлого. Тем не менее Бо Цзюйи, создавая свое ироническое жизнеописание, опирался на предшествующую литературную традицию. Зарубежные исследователи старинной китайской прозы автобиографического характера в первую очередь отмечают традиционные элементы в «Жизнеописании» [*Bauer*, 1990, p. 265; *Kawai Ko:до.*, 1996, с. 112]. В то же время следует обратить внимание на индивидуальные черты литератора, которые можно обнаружить в его произведении. Многие из них отражают реалии танского времени, когда традиционная литература достигла небывалого расцвета и сложился идеал чиновника-литератора, ищущего отдохновения от служебных дел в разнообразном творчестве¹¹.

⁸ См. также [*Сторожук*, 2010, с. 58–61, 72–84].

⁹ См., например, [*Кобзев, Орлова*, 2019].

¹⁰ Так, официальная биография Бо Цзюйи в «Старой истории Тан» цитирует похожий его текст «На озере», см. [*Лю Сюй и др.*, 1997, т. 11, цзюань 166, с. 4354–4355]; в пер. на англ. яз., [*Feifel*, 1958, p. 301–304]. Про подобное создание образа поэта Тао Юаньмина в исторической литературе см. [*Эйдлин*, 1967, с. 30–31].

¹¹ Об эскапизме китайских интеллектуалов эпохи Тан, см., например, [*Сторожук*, 2010, с. 241–242].

В аспекте литературной традиции «Жизнеописание» продолжает линию «Жизнеописания Господина [под Сенью] Пяти Ив» (*У-лю сяньшэн чжуань* 五柳先生傳) Тао Юаньмина¹² и «Жизнеописания Господина Пяти Доу [Вина]» (*У-доу сяньшэн чжуань* 五斗先生傳) Ван Цзи (второе имя Угун 無功) [*Ван Цзи*, 1995, т. 1304, с. 626–627]. Имя последнего малоизвестно русскому читателю, хотя его значение в китайской классической литературе общепризнано, так как его творчество предвосхищает многие темы поэзии периода расцвета Тан (конец VII – начало VIII в.)¹³.

Бо Цзюйи упоминает имена Тао Юаньмина и Ван Цзи в своем жизнеописании и таким образом сам подчеркивает связь с предшественниками. При сравнении «жизнеописаний» этих трех поэтов внимательный читатель увидит сходство как в тематике, так и в стиле повествования. В первую очередь эти тексты объединяет тема вина, трактуемая в философском смысле¹⁴. В творчестве Бо Цзюйи развивается представление о винопитии как о средстве, уводящем от суеты и тревог, характерное и для сочинений Тао Юаньмина. Вино дает поэту «удовлетворенность, нестесненность, свободу от пут, безмятежность», которые можно проследить во многих произведениях Тао Юаньмина, например в его знаменитом цикле «Пью вино» (*Инь цзю* 飲酒, в переводе Л. З. Эйдлина — «За вином») [*Эйдлин*, 1967, с. 266, 357]. Эти функции вина также используются и развиваются в творчестве Ван Цзи, создавшего «Записки о Пьяном крае» (*Цзуй сян цзи* 醉鄉記), утопический образ земли духовного раскрепощения [*Warner*, 2003, р. 107–108]. В «Жизнеописании» страсть к вину предстает в несколько преувеличенной, утрированной форме. Кроме того, все три «жизнеописания» — Тао Юаньмина, Ван Цзи и Бо Цзюйи — отличает раскованная атмосфера, характерная для «праздной литературы», созданной на досуге для свободного выражения собственных чувств.

Нужно заметить, что подобные шуточные автобиографии китайские литераторы создавали и после Бо Цзюйи, например, ли-

¹² Русск. пер., см. [Алексеев, 1958, с. 178–179]; см. также [Каваи Ко:дзо:, 1996, с. 56–69].

¹³ См. [Warner, 2003, р. 1], на русск. яз., см [Алимов, Кравцова, 2014, т. 2, с. 955–958].

¹⁴ Мы придерживаемся традиционного перевода кит. слова *цзю* как «вино», учитывая, что в русском языке «вино» может обозначать и алкогольные напитки в целом. Следует иметь в виду, что в танском Китае это слово относилось в основном не к винограду вину, см., например, [Benn, 2002, р. 140–142].

тератор конца Тан Лу Гуймэн 陸龜蒙 (ум. ок. 881) написал «Жизнеописание Господина из Пули» (*Пули сяньшэн чжуань* 浦里先生傳), а знаменитый сунский литератор Оуян Сю 歐陽修 (1007–1072) — «Жизнеописание Отшельника Одного из Шести» (*Лю-и цзюйши чжуань* 六一居士傳). Как отмечает японский исследователь китайской автобиографической литературы Каваи Ко:дзо: 川合康三, в первом из них особенно четко видно влияние «Жизнеописания» Бо Цзюйи [Каваи Ко:дзо:, 1996, с. 107–108].

Таким образом, «Жизнеописание» Бо Цзюйи принадлежит к категории прозы, которую условно можно обозначить как «идеализированную автобиографию». В ней представлен, скорее, идеал китайского литератора, нежели реальная личность. Каваи Ко:дзо: предлагает для этой формы термин «воображаемое эго» (*ко: ари-тай варэ* かく (= こう) ありたい我れ) [Каваи Ко:дзо:, 1996, с. 67]. В отличие от автобиографии в европейской литературе, в такой китайской идеализированной автобиографии повествование ведется от третьего лица. Генетически она связана с традиционным жанром биографии, поэтому не удивительно, что ее материал может органически включаться в историческое сочинение.

В то же время «Жизнеописание» достаточно оригинально и индивидуализировано. Индивидуальность выражается в самом его языке: хотя, следуя особенностям традиционной формы собственного жизнеописания, повествование ведется от третьего лица, в него включено много прямой речи Господина. В «Жизнеописании» нашли отражение некоторые стороны личной жизни Бо Цзюйи, такие как увлечение буддизмом, любовь к садоводству, музыке того времени и стихам поэтов предшествующих эпох (при этом особенно отмечены стихи Тао Юаньмина и Се Линъюня 謝靈運 [385–433]). Буддизм действительно оказал значительное влияние на творчество поэта¹⁵. Бо Цзюйи также упоминает исполнение музыки танцевального представления «Из радуги [яркий] наряд, из [сверкающих] перьев убор» (*Ни шан юй и* 霓裳羽衣). Это представление на основе иностранной (вероятно, индийской) музыки¹⁶ было поставлено при танском дворе в нача-

¹⁵ См., например, [Ch'en, 1973, p. 184–239; Watson, 1988, p. 1–22]; на русск. яз. [Дагданов, 1985, с. 89–101].

¹⁶ Отсюда ее название — «ведомство [мелодий] Дхармы» (*фа бу* 法部), которое употребляет здесь Бо Цзюйи, по названию дворцового департамента, ведавшего музыкой. Изначально связаны с буддийской ритуальной музыкой, также «мелодии Дхармы» (*фа цюй* 法曲).

ле VIII в.¹⁷ Бо Цзюйи видел его при дворе только один раз, но очень полюбил и пытался восстановить в исполнении своего домашнего оркестра. Домашнее исполнение музыки «Из радуги яркий наряд» неоднократно упоминается в его стихах [Бо Цзюйи, 1988, т. 3, с. 1410–1416; Waley, 1951, p. 154]. В «Жизнеописании» также говорится, что его герой просил домашних певиц исполнять стихи в жанре *цзы* 詞 на мотив «Ветви ивы» («Ян лю чжи» 楊柳枝); стихи, написанные Бо Цзюйи на этот мотив, тоже сохранились в собраниях его сочинений [Бо Цзюйи, 1988, т. 4, с. 2167–2169]. Согласно указаниям поэта, она в то время была популярна у лоянских певичек [см. Wagner, 1984, p. 107–118]. Таким образом, в отличие от автобиографий Тао Юаньмина и Ван Цзи, герои которых предстают людьми, отрешенными от суетного мира и словно бы стоящими вне времени, в «Жизнеописании» Бо Цзюйи много реалий его эпохи.

«Праздный» настрой «Жизнеописания» также мог быть продиктован обстоятельствами жизни Бо Цзюйи в тот период. Вполне возможно, что он сознательно избегал упоминаний о собственных политических воззрениях и деятельности, что исследователи объясняют желанием держаться вдалеке от придворных интриг [Waley, 1951, p. 192]. Официальная биография Бо Цзюйи в «Старой истории Тан» утверждает, что в период, предшествовавший созданию «Жизнеописания», он попросился в отставку, чтобы избежать возможных проблем из-за борьбы клик, с одной из которых он был связан через родственников жены [Лю Сюй и др., 1997, с. 4354–4355]. Хотя поэт сохранял номинальную должность «церемониймейстера [во дворце] наследника престола» (*тайцзы бинькэ* 太子賓客)¹⁸, он старался не вмешиваться в политику.

«Жизнеописание» прочно вписано в китайскую литературную традицию. Помимо упоминания знаменитых поэтов Тао Юаньмина, Се Линьюня и Ван Цзи, в нем присутствуют цитаты из конфуцианских классиков «[Трактата] Учителя Мэна» (*Мэн-цзы* 孟子) и «Бесед и суждений» (*Луньюй* 論語). Так же в нём есть отсылки к творчеству Лю Лина 劉伶 (225?–280?), одного из «семи

¹⁷ Сейчас большая часть музыки за исключением небольшого фрагмента, записанного в XII в., утеряна, см. [Picken, 1966, p. 143].

¹⁸ Название этой должности можно перевести как «церемониймейстер [во дворце] наследника престола». Помимо наблюдения за проведением церемоний, в его обязанности входило консультировать наследника по вопросам морали и этикета.

мудрецов из бамбуковой роши» (*Чжу линь ци сянь* 竹林七賢)¹⁹. Бо Цзюйи неоднократно цитирует его знаменитый «Гимн благой силе вина» (*Цзю дэ сун* 酒德頌)²⁰, например, приводит знаменитую фразу: «[он] сделал пологом своим небо, а сидением — землю» (*му тянь си ди* 幕天席地)²¹. Обращение к творчеству Лю Лина у Бо Цзюйи неслучайно. С «семью мудрецами из бамбуковой роши», прославленными как создатели стиля «Ветра и потока» (*фэн лю* 風流) в китайской литературе, акцентирующего свободу и индивидуальность творца, связано развитие темы вина в китайской поэзии, а также интерес к идеализированному автобиографическому тексту. Один из «семи мудрецов из бамбуковой роши» Жуань Ци создал «Жизнеописание Господина Великого Человека» (*Да-жэнь сяньшэн чжуань* 大人先生傳), которое в науке обычно рассматривается как важный предшественник «идеализированных автобиографий» более поздних авторов [*Kawai Ko:дзо.*, 1996, с. 70–72; *Bauer*, 1990, p. 156–157]²².

Есть в «Жизнеописании» отсылки и к более ранним философским сочинениям, в том числе к «[Трактату] Учителя Чжуана»

¹⁹ К этой группе также относят Ци Кана 嵇康 (223–262), Жуань Ци 阮籍 (210–263), Жуань Сяня 阮咸, Сян Сю 向秀 (227–272), Ван Жуна 王戎 (234–305) и Шань Тао 山濤 (205–283). Они прославились своим литературным творчеством и свободолобивыми взглядами; см. [*Алимов, Кравцова*, 2014, т. 1, с. 477–495].

²⁰ Перевод названия М. Е. Кравцовой, см. [*Алимов, Кравцова*, 2014, т. 1, с. 491–492]; альтернативные переводы: «Хвала пьяной добродетели», «Хвала достоинствам вина», «Гимн благодати вина»; перевод В. М. Алексеева (1881–1951) опубликован в [*Алексеев*, 2006, т. 1, с. 220–221].

²¹ См. начальные строки в переводе Л. Н. Меньшикова (1926–2005):

Есть на свете наставник — великий человек;
Это Небо и эта Земля для него — словно дома околица;
Десять тысяч веков для него — как мгновенья пора,
Эти солнце и месяц для него — как просветы оконные;
Эти восемь пространств для него — как пути вокруг двора.
Где проходит он, нет ни следов, ни дорог.
Где поселится, нет ни лачуг, ни домов.
И шатром ему небо, и подстилкой — Земля.
Куда мысли стремятся, идти он готов.

(Пер. Л. Н. Меньшикова [*Меньшиков*, 2007, с. 71–72].)

有大人先生，以天地為一朝，萬期為須臾。日月為扃牖，八荒為庭衢。行無轍跡，居無室廬。幕天席地，縱意所如。 [*Сяо Тун*, ред., цзюань 47, с. 887].

²² М. Е. Кравцова отмечает переключку между «Гимном благой силе вина» и «Жизнеописанием Господина Великого Человека», см. [*Алимов, Кравцова*, 2014, т. 1, с. 491–492].

(*Чжуан-цзы* 莊子, ок. IV–III вв. до н.э.), где вино также выступает символом гармоничного состояния человека — «целостности (т. е. гармонии) духа»²³. С использованием образа радостного старика-отшельника Жун Цици 榮啟期 «Жизнеописание» Бо Цзюйи отсылает к другим даосским сочинениям — «[Трактату] Учителя Ле» (*Ле-цзы* 列子)²⁴ и «[Трактату] Учителя из Хуайнани» (*Хуайнань-цзы* 淮南子, II вв. до н.э.)²⁵. Из даосских па-

²³ «Чжуан-цзы», «Вай пьнь» 外篇 («Внешний раздел»), гл. 19 («Да шэн» 達生 («Постигший жизнь»)), 2: «Вот и пьяный, упавший с повозки, хотя может [удариться] сильно, но не погибнет. Кости и связки у него такие же, как у других, но вред для него будет иным, чем для других людей — ведь дух его целостен. Он не знал, что едет в повозке, и не знал, что свалился с нее, волнение и страх о жизни и смерти не вошли в его грудь, и вот он, столкнувшись с [каким-либо] предметом, не пугается. Если человек может стать таким целостным от вина, то насколько же целостнее может он стать благодаря Небу?» 夫醉者之墜車，雖疾不死。骨節與人同而犯害與人異，其神全也，乘亦不知也，墜亦不知也，死生驚懼不入乎其胷中，是故選物而不懼。彼得全於酒而猶若是，而況得全於天乎！ [*Чжуан-цзы цзи ши*, 1985, с. 636]; рус. пер. на основе пер. В. В. Малявина, см. [*Малявин*, 2004, с. 190].

²⁴ Традиционно считается, что этот мудрец жил ок. V–IV вв. до н.э., но дошедшая до нас книга под этим названием, несомненно, дополнялась и редактировалась в более позднее время (IV в. н.э.).

²⁵ «[Трактат] Учителя Ле» (*Ле-цзы* 列子), гл. 1, «Тянь жуй» 天瑞 («Небесные знамения»), 7: «[Когда] Конфуций странствовал по горе Тайшань, он увидел Жун Цици, который бродил по равнине Чэн в шубе [из шкуры] оленя, подпоясанный простой веревкой, и напевал песню, подыгрывая [себе] на цине.

— Наставник, почему Вы [так] веселы? — спросил его Конфуций.

— У меня есть много [причин] для веселья! — ответил [Жун Цици]. — Среди всех созданий Неба человек лишь человек является ценным, а я имею [счастье родиться] человеком. Вот первая [причина] для веселья! Различие между мужчинами и женщинами [в том, что] мужчины ценятся, а женщины презираемы, поэтому считают ценными мужчин, а я имею [счастье родиться] мужчиной. Вот вторая [причина] для веселья! [Среди] родившихся [на этот свет] многие не видят и дня или месяца и [никогда] не выходят из пеленок, а я уже прожил девяносто лет. Вот [моя] третья [причина] для веселья! Бедность — это обычное [состояние] для [благородного] мужа, а смерть — конец [существования] для человека. [Я] пребываю в [своем] обычном [состоянии] и [скоро] достигну конца, о чем же мне беспокоиться?

— Прекрасно! — воскликнул Конфуций. — [Вот человек, который] может успокаивать себя».

孔子遊於大山，見榮啟期行乎郕之野，鹿裘帶索，鼓琴而歌。孔子問曰：先生所以樂，何也？對曰：吾樂甚多。天生萬物，唯人為貴。而吾得

мятников, видимо, происходит и представление о том, что «жизнь вся наша — [словно] сон»²⁶, которое провозглашается в «Жизнеописании». Следовательно, даосская идеология также является одним из важных источников мировоззрения автора²⁷.

«Жизнеописание» написано довольно простым классическим языком, без изысков, что в целом характерно для Бо Цзюйи. Тем не менее это произведение не лишено философской глубины и литературного изящества. Литературные аллюзии и реминисценции придают ему особую элегантность. Вероятно, это тот случай, когда гениальность соседствует с простотой стиля.

«Жизнеописание» сочетает в себе элементы литературной традиции и новаторства. Даже если образ Господина, [Который Любил] Выпить и Слагать Стихи, — всего лишь литературная маска поэта, мы можем найти в нем много автобиографических черт. Это произведение также отличает оптимистический настрой, который нечасто можно встретить в классической китайской прозе. Особенно сильно жизнеутверждающие ноты звучат в финале «Жизнеописания»: поэт продолжает находить радость в своих увлечениях даже перед лицом неизбежной старости и смерти. В этом отношении его можно сопоставить с лучшими произведениями Тао Юаньмина, которому Бо Цзюйи сознательно стремился подражать.

Особенности мировоззрения поэта, которые позволяли ему находить радость и отдохновение в простых и вместе с тем духовных удовольствиях, делают его произведение достаточно актуальным и в наши дни. «Жизнеописание» представляет образ китайского чиновника-интеллектуала, ведущего достаточно непритязательную, безмятежную и творческую жизнь в отставке (можно сказать, на пенсии). В то же время это не отшельник, живущий на лоне дикой природы, но в достаточной мере социально активный человек, находящийся в окрестностях столичного города и развлекающийся в кругу друзей, собеседников и единомышленников. Русскому читателю красочное описание такого образа жизни зажиточного интеллектуала (и в особенности вместе с воспева-

為人，是一樂也。男女之別，男尊女卑，故以男為貴：吾既得為男矣，是二樂也。人生有不見日月、不免襁褓者，吾既已行年九十矣，是三樂也。貧者士之常也，死者人之終也，處常得終，當何憂哉？孔子曰：善乎！能自寬者也。 [Ле-цзы цзи ши, 1985, с. 22]; рус. пер. следует переводу В. В. Малявина [Малявин, 1995, с. 15], см. также [Позднеева, 1994, с. 10].

²⁶ См., например, [Малявин, 2004, с. 69, 71].

²⁷ О связи винопития и даосских сочинений в поэзии Бо Цзюйи, см., например, [Эйдлин, 1987, с. 358].

нием опьяняющих напитков как способа духовного раскрепощения) может напомнить знакомые «анакреонтические мотивы» в русской литературе конца XVIII – начала XIX в. (ср., например, «Евгению. Жизнь званская» Г. Р. Державина).

Жизнеописание Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи

醉吟先生傳²⁸

[Что касается] Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи, [то я] забыл его фамилию и второе имя²⁹, [его родной] край и деревню, должность и титул, и так в забытии, [я и сам] не знаю, кто я есть на самом деле³⁰. Будучи чиновником, Господин странствовал по свету тридцать лет, а когда пришла старость, вышел в отставку и поселился в окрестностях Ло[яня].

醉吟先生者，忘其姓字、鄉里、官爵，忽忽不知吾爲誰也。宦遊三十載，將老，退居洛下。

В том месте, где он жил, был пруд [площадь] в пять-шесть му³¹, [роща из] тысячи стволов бамбука, несколько десятков высоких деревьев, терраса, беседка, лодка и мост — там было все, что нужно, хоть и в малых формах³², и Господин находил отдох-

²⁸ Мы следуем современной пунктуации в [Бо Цзюйи, 1988].

²⁹ То есть имя, которым он назвался в официальной обстановке.

³⁰ Более корректным представляется перевод: имярек «забыл свои фамилию и прозвание, край и деревню, должность и титул, одурманенный, не знал, кем сам является». Иначе вымышленный рассказчик, излагая базовые сведения о герое биографии Бо Цзюй-и (имя, происхождение и т. п.) и утверждая, что многое из этого ему неизвестно, почему-то констатирует свою неосведомленность не по поводу Бо Цзюй-и (что было бы логично), а по поводу самого себя. — *Ред.*

³¹ То есть около 0,4 гектара.

³² Использованное здесь выражение *цзюй ти эр вэй* 具體而微 происходит из книги «[Трактат] Учителя Мэна», гл. II («Гунсунь Чоу, [часть] первая» (*Гунсунь Чоу шан* 公孫丑上)), 2. 20, где речь идет об учениках Конфуция: «Я прежде слышал: у Цзыся, Цзыю и Цзычжана была у каждого какая-то одна часть совершенномуудрого, а Жань Ню, Минь Цзы и Янь Юань обладали всеми, но в малом размере» (дословно «все [части] тела [на месте], да крошечные») 昔者竊聞之：子夏、子游、子張皆有聖人之一體，冉牛、閔子、顏淵則具體而微。[Мэн-цзы чжу шу, 2000, с. 94]; русск. пер. см. тж. [Семененко, 2016, с. 274]. В этом отрывке «одна» и «все части» — перевод сочетаний *и ти* 一體 и *цзюй ти* 具體 соответственно,

новение в них. Семья его хоть и была бедна, но не настолько, что [страдала] от холода и голода, [а он] хоть и был стар, но в дряхлость еще не впал. По природе своей он обожал пить вино, увлекался игрой на цитре и особенно пристрастился к стихотворству. Со всеми любителями вина, игроками на цитре и стихотворцами он много странствовал [по округе]. Помимо странствий [по окрестностям], он нашел прибежище сердцу у Шакьямуни³³ и проницательно изучал дхармы «Малой», «Средней» и «Большой колесниц»³⁴. Монаху Жуманю с горы Суншань он был другом [на пути] к вратам пустоты³⁵, страннику Вэй Чу из Пинцюаня был другом [на пути] гор и вод, Лю Мэндэ из Пэнчэна был другом [на пути] стихотворства, а Хуанфу Ланчжи из Аньдина был другом в винопитии³⁶. Каждый раз, встречаясь, они были так счастливы, что забывали о возвращении [домой].

所居有池五六畝，竹數千竿，喬木數十株，臺榭舟橋，具體而微，先牛安焉。家雖貧，不至寒餒；年雖老，未及耄。性嗜酒、耽琴、淫詩，凡酒徒、琴侶、詩客多與之游。游之外，棲心釋氏，通學小中大乘法。與嵩山僧如滿爲空門友，平泉客韋楚爲山水友，彭城劉夢得爲詩友，安定皇甫朗之爲酒友。每一相見，欣然忘歸。

В Лояне и вне [города], в пределах 60-70 *ли*, [господин] посетил все даосские и буддийские храмы, холмы и поместья, [знаменитые] своими источниками, [редкими] камнями, цветами или бамбуковыми [рощами]³⁷. Он побывал в домах всех тех людей, у которых бывало хорошее вино, и у тех, где играли на цитрах. Он осмотрел картины, книги, певиц и танцовщиц во всех домах, в которых они были. Если же кто-то звал Господина на пирушку

дословно означающих: «один член» тела (или «одна конечность») и «все члены», их полная совокупность, или «четыре конечности».

³³ Имя исторического Будды, основателя учения (Дхармы (*фа* 法), букв. «закон»).

³⁴ Названия направлений буддизма (Дхармы): «Малая колесница» (санскр. хинаяна) и «Большая колесница» (махаяна), по разделению махаянистов. Термин «Средняя колесница» обозначает средний путь между хинаяной и махаяной, также «Колесница пратьекабудд», один из путей к просветлению в буддизме.

³⁵ То есть был единомышленником на пути буддийского учения. «Пустота» — одна из основных категорий буддизма махаяны.

³⁶ Здесь упоминаются имена друзей Бо Цзюйи, которые также появляются в его поэзии. Среди этих персонажей наиболее известен Лю Юйси 劉禹錫 (772–842), названный здесь по второму имени — Лю Мэндэ, поэт и единомышленник Бо Цзюйи.

³⁷ То есть около 30-40 км.

или прогулку, начиная с правителя Лочуани³⁸ и до простолюдинов³⁹. то он всегда отправлялся [на встречу с ними].

洛城内外六七十里間，凡觀寺丘壑有泉石花竹者，靡不游。人家有美酒鳴琴者，靡不過。有圖書歌舞者，靡不觀。自居守洛川洎布衣家，以宴遊召者，亦時時往。

Каждый ясный день, в красивом месте — снежным утром или в лунный вечер — [все] те, кто любил [подобные] занятия, собирались вместе, и [Господин] всегда первым смахивал [пыль] со жбана для вина, а затем открывал ларец, [в котором он хранил] стихи. Когда же стихотворчество и винопитие были в разгаре, то сам принимался играть на цитре, настраивал ее на тональность *зун*⁴⁰ и играл один раз [мелодию] «Осенние думы». Если он приходил в прекрасное настроение, то приказывал мальчикам-слугам настроить струнные и бамбуковые [инструменты] для мелодий дхармы, чтоб вместе сыграть мелодию «Из радуги [яркий] наряд, из [сверкающих] перьев убор»⁴¹. Если же радость его была [еще более] глубокой, он также приказывал юным певицам спеть десяток новых куплетов-*цы* на мелодию «Ветви ивы»⁴². [Так Господин] давал волю своим чувствам и развлекался и только когда уж совсем напивался. заканчивал [пиршкв].

每良辰美景，或雪朝月夕，好事者相過，必爲之先拂酒壘，次開詩篋。詩酒既酣，乃自援琴，操宮聲，弄秋思一遍。若興發，命家僮調法部絲竹，合奏霓裳羽衣一曲。若歡甚，又命小妓歌楊柳枝新詞十數章。放情自娛，醕酌而後已。

Часто, следуя своему настроению, [Господин] заходил к своим соседям или с посохом [бродил] по деревне, иногда верхом на коне отправлялся в столицу или же, [сидя] в паланкине, путешествовал по окраинам [ее]. Вместе с собой он брал в паланкин цитру и подголовник, [а также] несколько свитков со стихами

³⁸ Иносказательно про Лоян, один из столичных городов танского государства. Слово *цзюйшоу* 居守 относится здесь к правителю города как альтернативное название *люшоу* 留守 — «наместник, хранитель».

³⁹ Дословно «[люди в] холщовых одеждах».

⁴⁰ Первая ступень китайского пятиступенного лада.

⁴¹ Легендарная придворная мелодия, на которую исполнялись танцевальные представления во времена императора Сюань-цзуна 玄宗 (правил в 712–756), период расцвета эпохи Тан. Эта мелодия в настоящее время считается утерянной.

⁴² Стихи на определенные мелодии (*цы* 詞), которые начали входить в моду в этот период, но стали особенно популярны в самом конце эпохи Тан и в эпоху Сун (X–XII вв.).

Тао и Се⁴³. На ручках паланкина справа и слева он вешал пару кувшинов с вином и в поиске [красивых] вод и гор⁴⁴ следовал [туда, куда] чувства влекли [его]. Обнимая цитру и потягивая вино, [только когда] настроение иссякало — он возвращался [домой]. Так [он провел] десять лет. За эти дни он сложил больше тысячи стихов⁴⁵ и за эти годы приготовил несколько сотен ху вина⁴⁶, но [стихи] сочиненные, как и [вино], приготовленное до и после этого десятилетия. [в это число] не входят.

往往乘興，屢及鄰，杖於鄉，騎遊都邑，肩舁適野。舁中置一琴一枕，陶、謝詩數卷。舁竿左右懸雙酒壺，尋水望山，率情便去。抱琴引酌，興盡而返。如此者凡十年，其間日賦詩約千餘首，歲釀酒約數百斛，而十年前後賦釀者不與焉。

Жена его и дети, младшие братья и племянники обеспокоены были такими его проступками, и некоторые из родни упрекали его, — [но их упреки оставались] без ответа, [и только] после второго и третьего [раза Господин] говорил [им]: «Всякий человек по природе своей редко обретает умеренность, и непременно есть [у него] пристрастия и увлечения. Я также не [из числа] умеренных⁴⁷, но допустим, что, к несчастью, я любил бы выгоду и торговал, [чтоб] приумножить [свое богатства], вплоть до того, что я во множестве собирал бы [ценности] и украшал ими свое жилище, чем навлек бы беду и подверг опасности свою жизнь. И что же с этим я бы мог поделаться? [Или] допустим, что, к несчастью, я любил бы [азартные игры *лю*]бо и *и*⁴⁸, поставил на один бросок десятки тысяч, обрушил бы богатство [дома] и разорил семью, вплоть до того, что дети и жена от холода и голода страдали, и что бы с этим было делать? Или допустим, что, к несчастью, я бы увлекся

⁴³ Тао Юаньмин и Се Линъюнь — известнейшие китайские поэты периода Северных и южных династий (317–589).

⁴⁴ Т. е. «в поиске [красивых] пейзажей».

⁴⁵ В старинных изданиях также вместо «года» (*суй* 歲) стоит «день», тогда смысл также «в эти дни», «за это время», см.: [Бо Цзюйи, 1988. Т. 6. С. 3785].

⁴⁶ Один ху в эпоху Тан соответствовал 59,44 литрам.

⁴⁷ Дословно «[не придерживаюсь] середины», что отсылает к названию конфуцианского классического текста «[Учение] о срединном и неизменном [Пути]» (*Чжун юн* 中庸).

⁴⁸ Настольные игры под названиями *любо* 六博 («шестерка») и *и* 弈. Обе они были очень распространенными в Древнем Китае. Про первую из них, реконструкцию ее правил, см. [Selbitchka 2016]. «И» — облавные шашки, более известные у нас под их японским названием го.

[чудодейственным] лекарством, и, в ущерб одежде и недоедая, плавил бы свинец и нагревал ртуть⁴⁹, и дошло бы до того, что ничего бы не добился, а только [в этом] заблуждался, то что б тогда я стал бы с этим делать? Сегодня, к счастью, я не люблю [все] это и радость нахожу лишь в чарке и кубке, в скандировании и декламации [стихов]. Распушенный я, ну и пусть, какой же вред от этого [для нас]? Ведь он, [конечно же], не больше, чем от увлечения теми тремя [вещами]! Вот почему Лю Болунь, слышал слова своей жены, но не слушал ее⁵⁰, вот почему Ван Угун странствовал в Пьяном краю и не [желал отсюда] возвратиться»⁵¹.

妻孥弟姪慮其過也，或譏之不應，至于再三，乃曰：凡人之性鮮得中，必有所偏好。吾非中者也，設不幸吾好利而貨殖焉，以至于多藏潤屋，賈禍危身，奈吾何！設不幸吾好博奕，一擲數萬，傾財破產，以至于妻子凍餓，奈吾何！設不幸吾好藥，損衣削食，鍊鉛燒汞，以至于無所成，有所誤，奈吾何！今吾幸不好彼，而自適於盃觴諷詠之間。放則放矣，庸何傷乎！不猶愈於好彼三者乎！此劉伯倫所以聞婦言而不聽，王無功所以遊醉鄉而不還也。

[Сказав так, Господин] собрал младших родственников и вместе с ними отправился в кабак и, окруженный кувшинами вина, вытянул перед собой ноги и запрокинув голову⁵², вздохнул про-

⁴⁹ Речь идет о приготовлении эликсира бессмертия, который здесь назван «лекарством» (яо 藥), путем «внешней алхимии» (вай дань 外丹), в котором свинец и ртуть выступали важными ингредиентами. Известно, что в эпоху Тан многие интеллектуалы увлекались алхимией, которую пропагандировали влиятельные даосы.

⁵⁰ Лю Болунь 劉伯倫 — второе имя Лю Лина 劉伶 (III в. н.э.), знаменитого поэта, одного из «Семи мудрецов из бамбуковой роши», который был известен экстравагантным поведением и пристрастием к вину.

⁵¹ Ван Угун 王無功 — второе имя Ван Цзи 王績 (590–644), известного поэта начала Тан. «Записки о Пьяном крае» — одно из его сохранившихся произведений.

⁵² Эта поза для сидения считалась непринужденной и даже неприличной в Китае с древности, см. также у Лю Лина в «Гимне благой силе вина»: *фэнь жань цзи цзюй* 奮髯踞 («с растрепанной бородой сидел на полу, широко раздвинув ноги»):

Что же делает в это время Наставник?
То возьмется за жбан, то поднимет корчагу,
Губы тянет к бокалу, пьет пьянящую влагу.
Подбирает усы, поудобней садится,
В изголовье — барда, возле коврика — брага.
Исчезают заботы, исчезают раздумья,
Ликованья исполнен, это благо — так благо.

тяжно и тяжело и промолвил: «Я родился в пространстве между небом и землей, но способности мои и совершения далеко не сравнятся [с оными] у древних! И [все же] я богаче, чем Цянь Лоу⁵³, и долголетием [превосхожу] Янь Юаня⁵⁴, и сыт я больше, чем Бои⁵⁵, и веселей, чем Жун Цици⁵⁶, и здоровей, чем Вэй Шубао⁵⁷. О счастье великое, счастье великое! Чего же мне [еще] искать? А если брошу я [все] то, что я люблю, то как мне старость провести [достойно]?» И тут [он] сам прочитал стихи [собственного сочинения], [о том, что таилось у него] в душе:

遂率子弟入酒房，環釀甕，箕踞仰面。長吁太息曰：吾生天地間，才與行不逮於古人遠矣。而富於黔婁，壽於顏淵，飽於伯夷，樂於榮啓期，健於衛叔寶。幸甚幸甚，餘何求哉！若捨吾所好，何以送老？因自吟詠懷詩云：

Обнимая цитру, [я] весел, как Жун Ци⁵⁸,
Наслаждаясь вином, [я] мудр, как Лю Лин!
Обращаю свой взор — и смотрю на зеленые горы.
Так пусть голова моя [далее] седеет!

Неподвижно лежит — значит пьян;
Шевельнулся слегка — скоро встанет.

Ловит слух тишину, и не внемлет далеким раскатам громов;
Видит близкое глаз — не разглядывает очертанья Тайшаня

([Сяо Тун, цзюань 47, с. 887], пер. Л. Н. Меньшикова [Меньшиков, 2007, с. 72–73]. Повторяющиеся в процитированном переводе строки удалены).

先生於是方捧甕承槽，銜杯漱醪。奮髯踟躕，枕糲藉糟。無思無慮，其樂陶陶。兀然而醉，豁爾而醒。靜聽不聞雷霆之聲，熟視不睹泰山之形。

⁵³ Цянь Лоу 黔婁 — древний государственный деятель периода Чуньцю (VIII–V вв. до н. э.), который предпочел бедность службе несправедливому правителю.

⁵⁴ Янь Юань 顏淵 (или Янь Хуэй 顏回, 521–490 до н. э.) — любимый ученик Конфуция, который умер в молодом возрасте.

⁵⁵ Бои 伯夷 — сын правителя страны Гучжу, который стал отшельником и умер от голода в знак протеста против свержения последнего шанского правителя чжоуским ваном в XI в. до н. э.

⁵⁶ Отшельник, который описан в книгах «[Трактат] Учителя Ле» и «[Трактат] Учителя из Хуайнани», мог довольствоваться малым для счастливой жизни, в переводе Л.Д. Позднеевой — Юн Открывший Сроки, см. [Позднеева, 1994, с. 10].

⁵⁷ Вэй Цзе 衛玠 (Вэй Шубао 衛叔寶, 286–312) — аристократ эпохи Цзинь, который отличался красотой, но был хрупким и погиб в молодом возрасте, о нем см. [Лю Ицин 2002, цзюань 14, с. 526–527].

⁵⁸ Сокращение от имени Жун Цици.

Не знаю, меж небом и землею
Сколько мне лет еще осталось прожить?
Отныне и до конца
Все это будут праздные дни и месяцы!

“抱琴榮啓樂，縱酒劉伶達，放眼青山，任頭生白髮。不知天地內，更得幾年活。從此到終身，盡爲閑日月。”

Дочитав [стихи], он улыбнулся, открыл кувшин, зачерпнул непроцеженного вина и снова осушил несколько чашек, и незаметно [для себя он] опьянел⁵⁹. А после того, как опьянел, — снова протрезвел, протрезвел и снова принялся декламировать [стихи], а прочитав их, снова пил, а выпив, он опять пьянел. Опьянение и декламация следовали друг за другом, словно в круговороте. Отсюда достиг он [осознания того, что] жизнь вся наша — [словно] сон⁶⁰, а знатность и богатство — [словно] облака⁶¹. [Он] сделал пологом своим небо, а сидением — землю⁶², так что и сотня лет могла пройти в одно мгновение, и в сладостном блаженстве, в полном забытии [он] не ведал, что скоро наступит старость. В древности были такие, про которых говорили, что обрели целостность в вине⁶³, и потому он [выбрал] прозвище себе — Господин, [Который Любил] Выпить⁶⁴ и Читать Стихи. Тогда

⁵⁹ Цитата из «Гимна благой силе вина» Лю Лина: *ужань эр цзуй* 兀然而醉 «незаметно [для себя он] опьянел», см. примеч. 52.

⁶⁰ Представление о человеческой жизни как о сне происходит из даосских памятников, см., например, «[Трактат] Учителя Чжуана» [Чжуан-цзы цзи ши, 1985, с. 104–105, 112; русск. пер. см. *Малявин*, 2004, с. 69, 71]. Широкое распространение оно получает в прозе периода Северных и южных династий и Тан, см. [*Алимов, Кравцова*, 2014, т. 2, с. 1027–1030].

⁶¹ Аллюзия на «Беседы и суждения», гл. 7 (*Шу эр шу* 述而 ([Я] передаю)), 16: «Учитель сказал: “Есть грубую пищу, пить воду, спать головой на согнутом локте — во всем этом тоже есть радость. По мне, богатство и знатность, полученные нечестно, как мимолетные облака”» 子曰：飯疏食飲水，曲肱而枕之，樂亦在其中矣。不義而富且貴，於我如浮雲。[Луныю чжу шу, 2000, с. 100]; пер. Л. С. Переломова, [*Переломов*, 2004, 182].

⁶² Цитата из «Гимна благой силе вина» Лю Лина, см. примеч. 21.

⁶³ Аллюзия на книгу «Чжуан-цзы», гл. 19, где имеется в виду целостность духа, см. примеч. 23.

⁶⁴ На примере данного отрывка, в котором объясняется смысл псевдонима Бо Цзуй-и (*Цзуй-инь Сянь-шэн* 醉吟先生) и описывается, как поэт переходит от состояния опьянения к чтению стихов и обратно, хорошо видно, что иероглиф *цзуй* 醉 в нём корректнее переводить как «охмелеть, напиться», а не как «выпивать», а сам псевдоним целиком — как «Господин/Учитель Охмелевающий и Декламирующий». — *Ред.*

[уже настал] третий год [под девизом] Кайчэн⁶⁵, и возраст Господина⁶⁶ был шестьдесят семь лет, борода его была полностью белой, голова наполовину облысела, и не было у него ни верхних, ни нижних зубов⁶⁷. Но [тем не менее его] страсть к чарке и декламированию [стихов] еще не иссякла. Обернувшись к своей жене и детям, он сказал: «До нынешнего дня я был счастлив, но я и сам не знаю, какая радость ждет [меня] впереди!»

吟罷自哂，揭甕撥醅，又引數盃，兀然而醉。既而醉復醒，醒復吟，吟復飲，飲復醉。醉吟相仍，若循環然。繇是得以夢身世，雲富貴，幕席天地，瞬息百年，陶陶然，昏昏然，不知老之將至，古所謂得全於酒者，故自號爲醉吟先生。于時開成三年，先生之齒六十有七，鬚盡白，髮半禿，齒雙缺，而觴詠之興猶未衰。顧謂妻子云：今之前吾適矣，今之後吾不自知其興何如！

Источники и литература

На русском языке:

Алексеев В. М. (пер.). Китайская классическая проза в переводах академика В. М. Алексеева / Под ред. Л. З. Эйдлина. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958.

Алексеев В. М. (пер.). Шедевры китайской классической прозы в переводах академика В. М. Алексеева. М.: Восточная литература, 2006.

Алимов И. А., Кравцова М. Е. История китайской классической литературы с древности и до XIII в. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014.

Бо Цзюй-и. Стихи / Пер. с кит., послеслов. Л. З. Эйдлина, вступ. статья. Го Можо. М.: Худлит, 1958.

Дагданов Г. Б. Буддизм в творчестве танского поэта Бо Цзюйи // Буддизм в литературно-художественном творчестве народов Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 89–101.

Кобзев А. И., Орлова Н. А. Биография Бо Цзюй-и и ее отражение в ста четверостишиях (*цзюэ-цзюй*) второй половины его жизни // Общество и государство в Китае. Т. XLIX. Ч. 2 М.: ИВ РАН, 2019. С. 522–615.

Малявин В. В. (пер., вступ. статья, коммент.). Чжуан-цзы, Ле-цзы. М.: Мысль, 1994.

⁶⁵ Т. е. 838 г.

⁶⁶ Дословно «[возраст] зубов».

⁶⁷ Дословно «недоставало зубной пары».

Малявин В. В. (пер., вступ. статья, коммент.). Чжуан-цзы: Даосские каноны. М.: Астрель, 2004.

Меньшиков Л. Н. Китайская поэзия в переводах Льва Меньшикова / Предисловие И. Ф. Поповой; ответственный редактор И. А. Алимов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007.

Переломов Л. С. (ред.) Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). Пер. и коммент. А. И. Кобзева и др. М.: Восточная литература РАН, 2004.

Позднеева Л. Д. (пер.). Мудрецы Китая. Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы. СПб.: Петербург — XXI век, 1994.

Семененко И. И. (пер.). Ранняя конфуцианская проза: «Луньюй». «Мэнцзы». М.: Изд-во Восточной литературы, 2016.

Сторожук А. Г. Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан. СПб.: Береста, 2010.

Сторожук А. Г. Юань Чжэнь. Жизнь и творчество поэта эпохи Тан. СПб.: Кристалл-Терция, 2001.

Эйдлин Л. З. (ред.). Поэзия эпохи Тан, VII-X вв. М.: Художественная литература, 1987.

Эйдлин Л. З. Тао Юань-мин и его стихотворения. М.: ГРВЛ, 1967.

На западных языках:

Bauer, Wolfgang. Das Antlitz Chinas. Die autobiographische Selbstdarstellung in der chinesischen Literatur von ihren Anfängen bis heute. München: Carl Hanser, 1990.

Benn, Charles. China's Golden Age: Everyday Life in the Tang Dynasty. Oxford: Oxford University Press, 2002.

Ch'en, Kenneth K.S. The Chinese Transformation of Buddhism. Princeton: Princeton University Press, 1973.

Idema, Wilt L. (trans.). Bai Juyi, Gedichten en proza. Amsterdam: Atlas, 2001.

Feifel, Eugene (trans.). Biography of Po Chü-i: Annotated Translation from Chüan 166 of the Chiu T'ang-shu// *Monumenta Serica*. № 17 (1958). P. 255–311.

Mair, Victor H. and Rostislav Berezkin. Autobiographical Features in Bai Juyi's 'Biography of the Maestro of Mellow Versification' // *Text, Performance, and Gender in Chinese Literature and Music: Essays in Honor of Wilt Idema*. Leiden: Brill, 2009. P. 23–44.

Margouliès, George (ed.). Anthologie Raisonnée de la Littérature Chinoise. Paris: Payot, 1948.

Margouliès, George and Willard R. Trask (trans.). Great Chinese Prose — III // *Asia* (July 1934). P. 410–411.

Picken, L.E.R. Secular Chinese Songs of the Twelfth Century// *Studia Musicologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Т. 8. Fasc. 1/4 (1966). P. 125–171.

Selbitchka, Armin. “A Trickv Game: A Re-evaluation of Liubo 六博 Based on Archaeological and Textual Evidence.” *Oriens Extremus* 55 (2016). P. 105–166.

Wagner, Marsha L. The Lotus Boat: the Origins of Chinese Tz’u Poetry in T’ang Popular Culture. N.Y.: Columbia University Press, 1984.

Waley, Arthur. The Life and Time of Po Chü-i. London: G.Allen & Unwin Ltd, 1951.

Warner, Ding Xiang. A Wild Deer Amid Soaring Phoenixes: the Opposition Poetics of Wang Ji. Honolulu: University of Hawaii Press, 2003.

Watson, Burton. Buddhism in the Poetry of Po Chü-i// *The Eastern Buddhist*. New Series. № XXI, 1 (Spring 1988). P. 1–22.

На восточных языках:

Бо Цзюйи 白居易. Бо Цзюйи цзи цзяочжу 白居易集箋注 (Собрание сочинений Бо Цзюйи с толкованием и комментариями) / Ред. Чжу Цзиньчэн 朱金城. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ 上海古籍出版社, 1988.

Ван Цзи 王績. Ван Угун вэнь цзи 王無功文集 (Собрание сочинений Ван Угуна) // *Сюй сю Сы ку цюань шу* 續修四庫全書 (Продолженное и дополненное «Собрание книг в четырех разделах»). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1995.

Каваи Ко:дзо: 川合康三. Тю:гоку но дзидэн бунгаку 中国の自伝文学 (Китайская автобиографическая литература). Токио: Со:бунся, 1996 (кит. пер.: Чжунго дэ цзычжуань вэньсюэ 中國的自傳文學 / Кит. пер. Цай И 蔡毅. Пекин: Чжунъян бяньи чубаньшэ 中央編譯出版社, 1998).

Ле-цзы цзи ши 列子集釋 («[Трактат] Учителя Ле» с собранием пояснений) / ред. Ян Боцзюнь 楊伯峻. В сер. Синь бянь чжу цзы цзичэн 新編諸子集成 (Заново составленное «Собрание всех Учителей»). Пекин: Чжунхуа шувцзюй 中華書局, 1985.

Луньшюй чжу шв 論語注疏 («Беседы и суждения» с примечаниями и комментариями-вставками) / ред. Чжу Ханьминь 朱漢民 // Шисань цзин чжувшв 十三經注疏 (Тринадцатиканоние с комментариями). Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ 北京大學出版社, 2000.

Лю Ицин 劉義慶. Ши шо синь юй цзяо чжу 世說新語校集注 («Новое изложение рассказов, в свете ходящих» со сверкой и сводными примечаниями) / Коммент. Лю Сяобяо 劉孝標, ред.

Чжу Чжуйюй 朱鑄禹. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ 上海古籍出版社, 2002.

Лю Сюй 劉昫 и др. (ред.). Цзю Тан шу 舊唐書 (Старая история Тан) // Эршисы ши 二十四史 (Двадцать четыре [династийные] истории). Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1997.

Мэн-цзы чжу шу 孟子注疏 («[Трактат] Учителя Мэна» с примечаниями и комментариями-вставками) / ред. Ляо Минчунь 廖名春, Лю Юпин 劉佑平 // Шисань цзин чжүшү 十三經注疏 (Тринадцатиканоние с комментариями). Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ 北京大學出版社, 2000.

Сяо Тун 蕭統 (ред.), Ли Шань 李善 и др. (коммент.) Лю чэнь чжу вэнь сюань 六臣注文選 («Литературный сборник» с комментариями шести сановников). Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1987.

Чжван-цзы цзи ши 莊子集釋 («[Трактат] Учителя Чжуана» с собранием пояснений). / Сост. Го Цинфань 郭清藩, ред. Ван Сяюй 王孝魚. В сер. «Синь бянь чжу цзы цзичэн» 新編諸子集成 (Заново составленное «Собрание всех Учителей»). Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1985.

*Rostislav V. Berezkin**

“Biography of the Master who [Loved to] Drink and Chant [Poems]” by Bai Juyi (838) and Tradition of Chinese Autobiography (Translation with Preface)**

ABSTRACT: “Biography of the Master who [Loved to] Drink and Chant [Poems]” (*Zui-yin xiansheng zhuan* 醉吟先生傳, also known as “Biography of Maestro of Mellow Versification”) by Bai Juyi (or Bo Juyi, 772–846) constitutes a playful autobiography of this famous poet. This piece already attracted significant attention of Japanese and Western scholars, but has not so far been translated into Russian. This is the first annotated Russian translation with a preface,

* Berezkin Rostislav Vladimirovich, Ph. D. (Philology), Senior Research Fellow, National Institute for Advanced Humanistic Studies at Fudan University (Shanghai, China), berezkine56@yandex.ru

** This research was supported by a grant from the State Social Sciences Foundation of China: “The history of Chinese culture’s one-hundred years of transmission abroad,” no. 17ZDA195 (本文为国家社会科学基金重大项目“中国文化域外传播百年史” [批准号 17ZDA195] 阶段性成果). The author is grateful to Professor Victor H. Mair for his help during work on the translation and research part.

which analyzes the special features of this piece and explains its significance in Chinese classical literature. “Biography of the Master who [Loved to] Drink and Chant [Poems]” belongs to the genre of short “idealized autography”, a form that can be traced back to the similar pieces by other great poets Tao Yuanming (365–427) and Wang Ji (590–644). Though written as an imitation of these early examples, and deeply rooted in the preceding literary tradition, “Biography of the Master who [Loved to] Drink and Chant [Poems]” also presents many individual features of Bai Juyi’s life. In a playful and witty mode it presents a vivid picture of the hobbies and inclinations of this great Tang-dynasty literatus.

KEYWORDS: Bai Juyi, Chinese autobiographic writings, Chinese classical literature, Tang-dynasty literature, wine poetry